

Лян Хуань также поднял бокал, но не знал, какой ответный тост произнести, чтобы он соответствовал его словам.

Подумав и не найдя подходящих слов, он в конце концов просто сказал:

— Где ты будешь проводить Праздник середины осени? У меня тоже нет других планов, хочу провести его с тобой.

Чэнь Шучжи не ожидал, что он скажет нечто подобное, и всё же с трудом выпил вино. Температура как раз.

— Мне нужно вернуться к отцу.

— Тогда я тоже пойду.

— А?

Услышав это предложение, Чэнь Шучжи испугался. Как это — он и его отец будут праздновать вместе с Лян Хуанем? Как объяснить их отношения? Неужели всё ещё называть его другом? Друг, у которого нет дома, и он вынужден праздновать с ним?

Увидев его реакцию, Лян Хуань лишь тихо засмеялся:

— Я пошутил. Сейчас я не могу пойти, сейчас слишком рано, пойду позже.

Чэнь Шучжи смотрел на него в замешательстве, совершенно не понимая его слов.

Лян Хуань выпил немного вина, и его настроение поднялось. Он говорил, словно рассказывая ему, а словно сам себе:

— Когда я впервые вошёл во дворец в тридцать шестом году Чжэньсяня, внезапно оставшись без родителей, я часто чувствовал себя одиноким, и когда мне хотелось домой, я приходил сюда. Эти скалы словно руки человека, обнимающие дом посередине. Когда я сижу внутри, я чувствую себя в безопасности, словно кто-то защищает меня.

— Эту гору раньше называли Горой Станных Камней, а я переименовал её в Гору Обнимающих Скал, и это место теперь называется Павильон Обнимающий Скалу.

Услышав это, Чэнь Шучжи наконец задал вопрос, который давно хотел задать, но боялся:

— Ваше Величество... почему вы росли за пределами дворца?

Лян Хуань маленькими глотками пил вино из османтуса и медленно рассказывал:

— Я тоже только слышал. Моя мать была любимой наложницей императора, и она умерла сразу после моего рождения, поэтому император очень любил меня. Он выжил в борьбе за престол и боялся, что мои старшие братья причинят мне вред, поэтому спрятал меня, отправив к моим родителям.

— В тридцать шестом году Чжэньсяня мне было десять лет, и он увидел, что мои старшие братья либо погибли, либо были ранены, и забрал меня обратно во дворец. Хотя я стал жить в роскоши и на вершине власти, уйдя от родителей, я всё равно не был счастлив.

Чэнь Шучжи слушал, постепенно осмысливая всё. Он начал понимать это чувство —

десятилетний ребёнок, внезапно брошенный в незнакомое место, вдали от родителей, которые его вырастили, это действительно тяжело.

Лян Хуань, начав говорить, не мог остановиться:

— До десяти лет я был как обычный ребёнок, никогда не чувствовал себя выше других, наоборот, умел заботиться о других. После того как я вошёл во дворец, я начал учиться быть императором, но это было слишком поздно, я действительно не мог принять этот тон. Притворяться перед людьми — это одно, но если мне придётся притворяться и перед тобой, я умру от усталости.

— Поэтому, — Лян Хуань посмотрел на него, — ты можешь не падать на колени при каждом удобном случае? Я действительно не могу это терпеть. Ты ведь мой спаситель! Как ты можешь кланяться мне?

Вспомнив старое, Чэнь Шучжи на мгновение замер. Хотел возразить, но понял, что сейчас не лучшее время, и промолчал.

Когда кувшин с вином опустел, Чэнь Шучжи поддержал Лян Хуаня, и они, петляя среди скал, вышли из Горы Обнимающих Скал, а затем и из Императорского сада. Они шли на юг, мимо шести дворцов, и наконец достигли Дворца Вэйян.

Дворец Вэйян был заполнен ледяными горшками, и внутри было даже прохладнее, чем снаружи. Как только они вошли, Лу Инь тихо напомнил Лян Ханю:

— Ваше Величество, сегодняшние доклады...

— Принесите их.

Лян Хуань сбежал из дворца днём, и доклады так и лежали нетронутыми. Когда Лу Инь подал их, он даже не прикоснулся к ним, а просто подтолкнул их к Чэнь Шучжи.

Чэнь Шучжи понял: раз уж он здесь, Лян Хуань не упустит возможности. Он взял верхний доклад и начал читать.

Пока он читал, Лян Хуань продолжал болтать:

— В последнее время происходит много беспорядков, раньше я бы просто бросил всё это двум министрам. Не знаю, с какого момента я стал всё меньше доверять им, и теперь мне нужно лично проверять всё, чтобы чувствовать себя спокойно, и в результате я сам создал себе кучу работы.

Услышав это, Чэнь Шучжи почувствовал странное облегчение и как бы невзначай сказал:

— Это хорошо.

Закончив читать доклад, Лян Хуань махнул рукой:

— На этом напиши: «Вернуться к исполнению, представить результаты через месяц».

Чэнь Шучжи взял кисть, обмакнул её в красные чернила и вместе с докладом передал Лян Ханю.

— Напиши за меня, — Лян Хуань снова подтолкнул его, бесстыдно улыбаясь.

— Ваш слуга не смеет.

Лян Хуань с неохотой взял кисть и начал писать, бросив на него взгляд.

Воспользовавшись моментом, Чэнь Шучжи спросил:

— Вы чего-то ждёте?

— Не торопись, подожди ещё.

Когда они закончили со всеми докладами, Лян Хуань ещё немного поспал, опершись на Чэнь Шучжи, и наконец дождался, когда Лу Инь пришёл с сообщением:

— Они здесь.

Лян Хуань, ещё сонный, толкнул Чэнь Шучжи:

— Иди скорее.

Чэнь Шучжи ещё не понимал, почему он сам не идёт, а отправляет его, но когда он дошёл до двери и увидел входящих людей, всё стало ясно.

Два слуги вели за собой женщину в поношенной одежде. На ней не было ни одного украшения, и хотя её лицо было покрыто пылью, глаза светились ярким блеском.

— Сянь... это ты?

— Брат!

Чэнь Сянь подбежала к нему, схватила его за руку и заплакала от радости:

— Брат... я думала, что больше не увижу тебя...

Глядя на знакомое лицо, Чэнь Шучжи наконец понял: Лян Хуань заставил его ждать здесь так долго, чтобы сделать ему сюрприз.

Сейчас было не время для излияния чувств, он спросил серьёзным голосом:

— Что случилось?

Чэнь Сянь сдержала слёзы и начала вспоминать:

— Меня схватили чада в горах и заставили долго работать в каком-то неизвестном месте. Однажды ночью эти большие братья вывели меня...

Здесь она вдруг повернулась к слугам позади неё:

— А где другие, кто был со мной? Их тоже спасли?

Слуга взглянул на выражение лица Лу Иня и ответил:

— Спасти тебя одну было непросто, куда уж до других.

— А почему спасли именно меня? — её голос звучал наивно и упрямо.

В комнате наступила тишина, Чэнь Шучжи посмотрел на Лян Хуаня.

Лян Хуань подошёл к Чэнь Сянь, улыбнулся ей и мягко сказал:

— Я друг твоего брата, у меня дома есть несколько мастеров боевых искусств, поэтому я помог ему.

Услышав это, Чэнь Шучжи понял, что его статус также нельзя раскрывать Чэнь Сянь, поэтому он не мог позволить им остаться вместе. Он взял Чэнь Сянь за руку и спросил Лян Хуаня:

— Отец всё ещё дома, так что... мы пойдём сначала?

Лян Хуань кивнул и приказал слугам отвезти их домой. Чэнь Шучжи помог Чэнь Сянь сесть в повозку, и, увидев, как она улыбается, сидя в ней, он почувствовал, как в его сердце поднялся тёплый поток.

Сянь вернулась невредимой, все его прежние опасения были напрасны, семья снова вместе, и это было прекрасно.

— Сянь, подожди, я вернусь, чтобы сказать пару слов.

Чэнь Шучжи вернулся во Дворец Вэйян и увидел, что Лян Хуань стоит у окна, глядя наружу. Он медленно подошёл и опустился на колени перед ним. Лунный свет озарял его плечи и спину, добавляя холодной отрешённости.

— Что ты опять делаешь? — Лян Хуань нахмурился, глядя на него.

Помедлив, Чэнь Шучжи опустил голову и неуверенно произнёс:

— Не знаю, что сказать Вам.

— Не знаешь, что сказать, и поэтому встаёшь на колени?

Услышав это, Чэнь Шучжи задумался: кажется, он только что говорил, чтобы он не делал так?

Он медленно поднялся, подумал немного, затем шагнул вперёд, постепенно наклонился и, наконец, оказался в его объятиях.

— Ты...

Возможно, лунный свет был слишком холодным, но Лян Хуань почувствовал, что человек в его объятиях был прохладным, словно ледяной горшок, освежая душу.

Чэнь Шучжи тихо заговорил, его голос звучал робко:

— Не знаю, что сказать, так будет хорошо?

— Я ничего от тебя не хочу... — Лян Хуань, что было редкостью, покраснел.

— Я знаю. Вы хотите видеть меня счастливым. — Он сделал паузу, затем мягко, но твёрдо добавил:

— Я счастлив.

Лян Хуань отвернулся, засмеялся, прищурил глаза, и наконец закрыл их, неосознанно поглаживая его спину.

— Семья вернулась, дела улажены, у тебя больше нет забот, и ты будешь счастлив всегда.

Чэнь Шучжи замер: он всё так хорошо для него устроил, а что же с ним самим? Он сделал всё это для него, но разве он ничего не хотел взамен? Хотя он говорил, что ничего не хочет, разве он не знал, чего он хочет?

Но как это дать? Разве можно отплатить за всё этим объятием или поцелуем?

*

— Ваше Величество, как они могут так поступать!

Линь Чжухуэй на самом деле хотел сказать: «Ваше Величество, как Вы можете так поступать?»

|

<http://bllate.org/book/16213/1456027>